

Едва их губы легонько соприкоснулись, оба вздрогнули.

Лян Цзинчжань, чувствуя невероятно мягкие губы человека в своих объятиях, точно такие же, как во сне, ощутил невероятное блаженство.

Настолько прекрасное, что у него не было времени думать, единственной мыслью было целовать его снова и снова, хотелось похитить и присвоить себе всё его дыхание.

Он держал ладонью затылок Лу Шэна, притягивая их всё ближе друг к другу, углубляя поцелуй.

Дыхание обоих постепенно сбивалось, Лу Шэн, задыхаясь от поцелуя, инстинктивно потянулся рукой, чтобы оттолкнуть грудь Лян Цзинчжана.

После нескольких попыток человек, наклонившийся над ним, наконец медленно отстранился.

Однако тёплые губы переместились с его губ на шею, Лян Цзинчжань наполовину уткнулся лицом в изгиб шеи Лу Шэна, произнес низким, хриплым голосом несколько слов, будто бессознательно.

— Малыш, не уходи, не покидай меня!

Будто признание, вырвавшееся после предельного сдерживания, точно так же, как каждый раз во сне Лян Цзинчжань говорил это удаляющемуся силуэту — он даже не заметил, что произнёс это сейчас вслух.

Хотя голос был приглушённым, но на таком близком расстоянии, прямо у уха, Лу Шэн услышал его совершенно отчётливо.

Его сердце резко дрогнуло — в этом мире, кроме Шэнь Линьчэня, никто никогда не называл его малышом, только этот старый повеса использовал такое приторное обращение.

Знакомая манера поцелуя, а теперь ещё и это «малыш» — как бы ни было это нелогично, Лу Шэн был уверен, что человек перед ним — это Шэнь Линьчэнь, он последовал за ним в этот мир!

В его глазах постепенно разлилась лёгкая влага, но на губах играла улыбка, он протянул руки, обвил ими шею Лян Цзинчжана, крепко обнял его.

Лян Цзинчжань весь напрягся, будто вдруг осознав, что произошло, инстинктивно попытался подняться.

Лу Шэн взглянул на него, приподняв бровь, в его глазах мелькнула хитрость, он высунул кончик языка и легонько лизнул губы Лян Цзинчжана — этот жест, совершенно лишённый эротического подтекста, будто котёнок, лижущий ладонь, заставил Лян Цзинчжана напрячься ещё сильнее.

— Что такое, только что ведь ты сам меня поцеловал, чего теперь напрягаешься?

Этот старый повеса Шэнь Линьчэнь никогда не ограничивался одним поцелуем, а теперь, сменив оболочку, стал неожиданно каким-то невинным.

При этой мысли у Лу Шэна возникло желание подразнить его, он протянул руку и легонько провёл по слегка выступающему кадыку Лян Цзинчжана — намерение подразнить было более

чем очевидным.

Этот старый повеса всегда не выдерживал заигрываний — обычно достаточно было одного поцелуя и прикосновения к кадыку, чтобы он воспламенился, и Лу Шэну захотелось проверить, будет ли так же и в новой оболочке.

Дразнящий кончик пальца несколько раз провёл по кадыку, затем медленно скользнул вниз, легонько расстегнув первую пуговицу рубашки Лян Цзинчжана.

Едва он собрался взяться за вторую пуговицу, как его пальцы резко и крепко схватили.

Лу Шэн поднял взгляд, встретившись с этими глазами Лян Цзинчжана, покрасневшими так, будто вот-вот вспыхнут огнём, и с особенно дерзкой улыбкой на губах слегка наклонился вперёд, другой рукой обвил его шею, приблизившись к его уху:

— Скажи мне, почему ты меня поцеловал?

В его сердце проснулось любопытство — судя по поведению Лян Цзинчжана, у него, похоже, не было прежних воспоминаний, иначе он хотя бы как-то отреагировал бы на имя «Лу Шэн».

Но если у него нет этих воспоминаний, как же он мог его нарисовать? Что ещё скрывается в этом деле, чего он пока не знает?!

<http://bllate.org/book/18165/1746178>